

Наталья Александрова

Загадка лунной богини

Роковой артефакт

Наталья Александрова
Загадка лунной богини

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Загадка лунной богини / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ», 2023 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-157882-4

С древних времен люди поклонялись Гекате – богине колдовства, магии и лунного света. В ее честь приносили жертвы и строили святилища. Но всегда находились и те, кто пытался завладеть бесценными реликвиями, и в первую очередь венцом Гекаты, несущим в себе силу древних и открывающим его владельцу тайны магии. Но однажды священный символ был утерян. На протяжении нескольких веков его судьба оставалась неизвестна, а последователи культа Гекаты не прекращали его поиски. Детектив-любитель Надежда Лебедева не имела ко всему этому никакого отношения, однако именно ей выпал шанс приоткрыть завесу тайны лунной богини. В пансионате на берегу Финского залива, где она отдыхала, одна из постоялиц упала с обрыва. Полиция констатировала несчастный случай, но Надежда, подозревая, что не все так просто, начала собственное расследование, нити которого привели ее к членам тайного общества «Слуги Гекаты»...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157882-4

© Александрова Н. Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Наталья Александрова

Загадка лунной богини

© Н. Александрова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Наталья Александрова

Загадка
лунной богини

Издательство АСТ
МОСКВА

Мария шла по тропинке, глубоко вдыхая свежий утренний воздух. Вчерашнее раздражение постепенно проходило, растворяясь в утренней тишине и свежести.

Накануне по телевизору показывали первую серию снятого по ее роману сериала. Казалось бы, такое приятное событие, но некоторые собратья по литературному цеху весь вечер

смотрели на нее с неприкрытой ненавистью: казалось, что от взглядов двух закадычных подружек Ляли и Гали, которые на пару писали любовные романы под совместным псевдонимом Лилия Саронская, может воспламениться одежда.

– Какое убожество! – заметила Галя Ляле, закатывая глаза и делая вид, что не видит Марию. – Как это низкохудожественно! Как вообще можно такое снимать?

– А что ты думаешь? Некоторые безответственные авторы потакают самым непритязательным вкусам... такая примитивная пошлость – гарантия успеха у нетребовательной публики! – ответила Ляля подруге и, притворившись, что разглядела Марию только что, проговорила сквозь зубы: – Поздравляю! Поздравляю! Этому сериалу гарантирован успех у самых широких слоев!

«Нечего придавать значение их словам, – внушала себе Мария, шагая вперед, – они так говорили исключительно от зависти!»

Тропинка, достаточно широкая, вилась среди густых зарослей вереска, внизу дышало и ворочалось море, и его мерное, мощное дыхание наполняло мир красотой и смыслом. Обитатели пансионата в шутку прозвали эту тропинку дорогой смерти, потому что она шла по самому краю обрыва, впрочем, чтобы сорваться с нее, нужно было постараться.

От быстрой ходьбы Мария действительно успокоилась. Что значат эти мелкие придирки недалеких завистливых особ по сравнению с августовским утром?

Мария любила вставать пораньше и гулять вдоль моря, пока остальные постояльцы спят, однако сегодня увидела впереди Валентина Виленовича Волчка, пожилого писателя, прозванного в пансионате ВВВ.

Когда-то давно Волчок писал сентиментальные романы из школьной жизни – обычно от лица наивной, трогательной старшеклассницы, – посвященные пробуждению первых чувств и проблемам взросления. Несмотря на солидный возраст, он был крепким бодрячком и приверженцем здорового образа жизни, потому и вставал так же рано, как Мария, и в любую погоду отправлялся купаться.

Марии было холодно даже смотреть, как он входит в серо-синие балтийские волны... Все-таки конец августа. Хотя и лето по календарю, но вода уже остыла. Да и лето было прохладное, жарой не баловало.

Вот и сейчас Волчок бодро шагал к берегу, перекинув через плечо полотенце, на котором выделялся штамп пансионата. Только направлялся он не к пансионатскому пляжу, а к дальней бухточке, расположенной среди камней.

Что ж, этот хоть не завидовал и гадостей за спиной не говорил. Скорее всего ВВВ понятия не имел о том, что пишет Мария, и про сериал тоже не знал. Он вообще всегда говорил только о себе, любимом, и больше никем и ничем не интересовался. Ну, еще любил вспоминать советские времена, как он тогда хорошо жил.

Мария догнала Волчка, приветливо поздоровалась и спросила, почему он не купается возле пансионата.

– Мелко там, – ответил Валентин Виленович густым оперным басом. – Идешь, идешь, а все по колено! Как говорится, по морю, яко посуху... Не люблю я этого, как детишки в лягушатнике...

В этом месте тропинка разделилась. Волчок пошел вниз, к морю, вполголоса напевая арию варяжского гостя, Мария направилась дальше по «дороге смерти».

Шагая вперед, она не только любовалась утренним пейзажем, но и посматривала под ноги, так как имела забавную привычку: собирать всякие бесполезные мелочи, попадавшие на дороге во время утренних прогулок. Собственно, появилась эта привычка у нее с тех пор, как она стала ездить отдыхать в интересные места.

Сами понимаете, если бежишь утром из дома к станции метро, то под ноги может попасть только продукт жизнедеятельности невоспитанных собак или пивная банка, так что Мария собирала симпатичные мелочи только на отдыхе.

Это могло быть что угодно: пластмассовый игральный кубик, крошечная детская машинка, смешной человечек из набора Лего, необычная ракушка, красивая бусинка, резная шахматная фигурка, детский браслетик... все это Мария подбирала, как сорока, иногда, перед тем как забрать, фотографировала в том месте, где нашла, и складывала в специальную коробочку. А потом перебирала свои находки и придумывала про каждую какую-нибудь историю...

Вот и сейчас она внимательно смотрела под ноги, не попадется ли ей что-нибудь интересное, и внезапно справа от тропинки увидела сразу несколько забавных вещей, аккуратно выложенных в ряд, как на прилавке магазина, и словно дожидавшихся Марию.

Она наклонилась и внимательно разглядела свои находки: серебряную сережку в форме птички, огрызок простого карандаша, мелкую медную монетку, прозрачную пуговицу, свинцовую пломбу, какими пломбируют мешки с деньгами и ценностями, старую, погнутую алюминиевую ложку и плоский металлический ключик.

Мария по привычке сфотографировала все находки, аккуратно собрала их в полиэтиленовый пакетик и не успела двинуться дальше, как услышала доносящийся снизу, с берега моря, приглушенный шумом прибоя крик.

Она подошла к краю обрыва и взглянула вниз. Там, на узкой полоске пляжа, стоял Валентин Виленович и возбужденно махал руками. У его ног валялось что-то бесформенное.

У Марии на мгновение замерло сердце. Но только на мгновение. А когда она поняла, что это такое, стремглав бросилась к берегу.

Она не помнила, как спустилась – где-то на своих двоих, где-то просто съезжала на пятой точке, цепляясь за кусты и пучки травы, чтобы замедлить спуск. Во всяком случае, через две или три минуты она стояла рядом с Валентином Виленовичем и в ужасе смотрела на то, что увидела сверху.

Нечто бесформенное оказалось трупом молодой женщины. Голова была повернута под невыносимым углом, широко открытые глаза без всякого выражения смотрели в розовеющее утреннее небо.

– Ва-ва-ва... – услышала Мария странный звук и сосредоточилась, пытаясь понять его происхождение. А вскоре до нее дошло, что сама же его и издает, стуча при этом зубами: – Ва-ва-ва...

Сделав над собой невыносимое усилие, она закрыла рот и замолчала.

– Она это... – проговорил Волчок, потирая левую сторону груди.

– Кто – она?

– Альбина...

Приглядевшись, Мария поняла, что Валентин Виленович прав: перед ними лежала самая молодая участница писательского семинара Альбина Борэ.

– Сорвалась с обрыва, наверное... – произнес Волчок, как-то странно поморщившись. – «Скорую» вызовите!

– Вам плохо? – переспросила Мария, не сводя глаз с трупа.

– Да при чем тут я! «Скорую» полагается вызывать в таких случаях... и полицию тоже.

Мария стояла в растерянности, и Волчок, снова поморщившись как от зубной боли, повторил:

– Да позвоните же! Я бы сам позвонил, да у меня телефона нет. Я же купаться шел!

– Да, да, конечно...

Мария опомнилась и дрожащими руками достала телефон. Она никак не могла вспомнить, как вызывать полицию и «скорую», и набрала номер ресепшена пансионата, который уже был в памяти телефона.

Ей ответил полусонный голос дежурной.

– Скорее! – выпалила Мария. – Скорее! Вызовите «скорую» помощь и полицию!

– Вы что такое говорите? – опешила дежурная. – Какую полицию? Женщина, перестаньте хулиганить! Я вешаю трубку!

– Не вешайте! Да проснитесь же, наконец! Здесь женщина мертвая... из нашего пансионата... она разбилась...

Дежурная всполошилась:

– Вы ничего не путаете? Она действительно мертвая?

– Мертвее не бывает!

– Да где же это?

– На берегу, около пляжа... там, куда спускается тропинка...

Дежурная мгновение помолчала, осознавая услышанное, и проговорила совсем другим голосом:

– Никуда не уходите! Сейчас к вам придут!

В трубке запищало, и Мария повернулась к Валентину Виленовичу:

– Сейчас кто-то придет...

Волчок сидел на камне, потирая левую руку. Лицо у него было нездорового сероватого цвета.

– Что с вами? – забеспокоилась Мария.

– Ничего... сердце немного прихватило... сейчас пройдет...

– Эй, вы не того! – Она представила, что останется наедине с двумя трупами, – и ей самой стало дурно.

К счастью, скоро на берегу появилась фельдшер из пансионата Сусанна Павловна в сопровождении толстого охранника Миши. Тот посмотрел на труп и присвистнул:

– Ох, ни фига себе!

– А «скорую» вызвали? – спросила Мария.

– Вызвали, вызвали! – Миша махнул рукой. – Да ей «скорая» уже без надобности.

– Ей – да, а вот ему... – Мария показала на бледного Валентина Виленовича.

– Ох ты, – Миша еще больше расстроился. – Скоро должны приехать, у нас близко... вот посмотрим, кто раньше приедет – медики или полицейские...

И правда, вскоре на берегу появилась пансионатская дежурная, за которой поспешали два медика в голубой униформе, со складными носилками. За ними осторожно двигался кое-кто из писателей, Мария узнала знакомые лица.

Медики осмотрели труп, потом подошли к Валентину Виленовичу и стали оказывать ему помощь. Мария видела и слышала происходящее, как сквозь толстое стекло.

В эту минуту к ней приблизилась дежурная, наклонилась к уху и вполголоса проговорила:

– Вы извините, у вас брюки...

– Что? – переспросила Мария недоуменно.

– Порваны, – ответила дежурная и глазами показала на заднюю часть брюк.

Мария извернулась, как могла, и ей стало дурно: мало того что вся одежда была перепачкана землей и утыкана колючками, так любимые спортивные брюки разорвались по шву на самом интересном месте. Она охнула, натянула футболку как можно ниже и припустила в сторону пансионата.

К счастью, по дороге ей никто не встретился.

Почти.

Уже перед самым пансионатом Мария увидела машину с включенным маячком. Перед ней, опершись на капот, стоял мрачный мужчина с густыми сросшимися бровями, который раздраженно разговаривал по телефону. Второй сидел в машине.

Увидев Марию, бровастый отвлекся от разговора, мрачно зыркнул на нее и процедил:

– Женщина, вы куда? Сюда нельзя!

– Как нельзя? – пролепетала Мария, судорожно натягивая футболку.

– Нельзя – значит, нельзя! Значит запрещено! Здесь место возможного преступления!

– Но я здесь живу, в этом пансионате!

– А тогда следуйте в свой номер и не выходите оттуда, чтобы не мешать следственным действиям!

– Вот еще... – буркнула Мария, боком входя в здание.

На ее счастье, все обитатели пансионата были на берегу, и в коридоре она никого не встретила.

Надежда Николаевна проснулась от того, что кто-то тряс ее за плечо. Не открывая глаз, она отпихнула чужую руку и повернулась на другой бок.

– Надя! – раздался очень знакомый голос. – Надя, проснись! Проснись, говорю!

Надежда всегда спала крепко и без сновидений, единственная проблема состояла в том, что по утрам очень не хотелось просыпаться. Ну, когда было нужно вставать на работу – тогда, конечно, чувство долга одерживало верх, но сейчас-то зачем просыпаться в такую рань? С чувством времени у Надежды Николаевны всегда было хорошо, так что она не открывая глаз определила, что утро раннее, часов семь или около того. Завтрак в этой богадельне в девять утра, а душ принять она и за десять минут успеет. Так зачем вставать?

– Надежда! Немедленно проснись! – заорал кто-то не своим голосом и сорвал с нее одеяло.

Без одеяла стало некомфортно, и Надежда поняла, что проснуться придется. Она наконец открыла глаза и села на кровати.

Над ней возвышалась подруга Машка.

Очевидно, разуверившись, что Надежда Николаевна проснется, Машка решила применить старый проверенный способ, а именно облить ее водой. Стакан имелся тут же, на тумбочке рядом с кроватью, а Машка стояла с надутыми щеками.

– Ну что случилось? – недовольно спросила Надежда.

Машка хотела ответить, но вовремя сообразила, что не может открыть рот, и с усилием проглотила воду, которая застряла у нее в глотке. Надежда была вынуждена с размаху стукнуть подругу по спине, после чего Машка прокашлялась и плюхнулась на кровать.

– Ну что опять за пожар? – недовольно заговорила Надежда Николаевна. – Почему ты с утра на взводе?

Вид у Машки был ужасный: волосы дыбом, глаза выпучены, спортивные брюки на коленях вытянуты, футболка на животе грязная. По земле каталась, что ли? С нее станется.

– Надя, – теперь Машка говорила тихим прерывающимся голосом, – ты не поверишь, но я видела труп.

– Чей труп? Ты нашла на тропинке дохлую крысу? Или белка прыгнула на провода под напряжением? А вот интересно, с белкой – это несчастный случай или самоубийство?

– Не знаю... наверное, она поскользнулась и упала... голова закружилась, вот и...

– У кого? – Надежда взглянула на подругу в полном удивлении. – У белки?

Надежда Николаевна вовсе не являлась равнодушным, бесчувственным тормозом. Напротив, от природы она была очень неглупа и соображала быстро. Сегодняшний полусонный диалог можно было объяснить только тем, что здесь, на свежем воздухе, ее все время клонило в сон. А уж если она засыпала, то должна была проспять не меньше восьми часов, а лучше больше. Да, не зря в советских санаториях тихий час после обеда устраивали даже взрослым.

– Надежда, да очнись же ты наконец! – Машка вскочила и даже топнула ногой от полноты чувств.

Надежда заметила, что брюки у нее сзади разорваны по шву и из этой дыры торчат трусы. Самые обыкновенные дешевые хлопчатобумажные трусы, тоже здорово грязные. Это же надо в таком виде ходить!

– Хватит придуриваться, говорю тебе – я труп нашла! – Машка гнула свое. – То есть не я нашла, а ВВВ!

– Опять ты с ним беседуешь? Противный мужик, лучше с ним поменьше общаться.

– Ты вообще слушаешь, что тебе говорят? Она упала с обрыва! То есть в море не долетела и лежит на берегу... – Машка схватила стакан, стоящий на тумбочке, и одним глотком выпила всю воду.

До Надежды Николаевны наконец дошло: случилось действительно что-то серьезное, – и она строго сказала подруге:

– Так, говори толком, во что ты опять вляпалась?

– Да я-то при чем? – возмутилась Машка, достала из тумбочки пачку печенья и, похрустывая, принялась рассказывать, что случилось утром.

Надежда следила, с какой быстротой исчезают печеньюшки, и поняла, что дело серьезное: когда подруга испытывала стресс, то начинала много есть, просто мела все подряд. Ну ничего, до завтрака продержится.

– И вот увидела я Виленыча, а потом даже не помню, как спустилась к берегу. Прибегаю, у самой ноги трясутся, голос пропал, боюсь подойти. А он говорит, чтобы я как можно быстрее вызвала «скорую» и полицию. Он телефон не взял, когда купаться шел, чтобы на берегу не оставлять. А у меня сил хватило позвонить только на ресепшен, а уж дежурная вызвала полицию. Охранник прибежал...

– Этот толстый Миша? – фыркнула Надежда. – Да он же бегать не умеет!

– Ну да, точно, пока он доковылял, Виленыч мне и сказал, что это Альбина.

– Альбина? – Надежда Николаевна вспомнила довольно молодую девушку, которая тоже приехала на писательский семинар.

Ее можно было бы назвать даже интересной, если бы не подчеркнутый мрачный макияж и странная одежда: темный мешок, который язык не поворачивался назвать платьем, обязательно черные джинсы, и такие узкие, что непонятно было, как она в них влезает. Держалась особняком, ни с кем особенно не общалась. Говорили, что пишет фантастические рассказы с элементами хоррора. Альбина Борэ. Ну-ну. Наверняка это псевдоним. Надежда все собиралась найти ее опусы в интернете, да как-то не успела.

– Точно Альбина?

– Ага, я потом сама посмотрела, это она. Хотя голова вся в крови, лицо все же можно разглядеть. Представляешь, упала – и насмерть разбилась, а я по той тропинке столько раз ходила... не зря ее дорогой смерти называют... думали, в шутку, а оказалось...

Машка вытерла подступившие слезы рукавом. Вернее, хотела это сделать, но рукава были короткие, так что она только размазала слезы по лицу. Тогда, недолго думая, задрала футболку и высморкалась в нее, отчего Надежду сдуло с кровати в ванную.

Вскоре она вернулась с бумажным полотенцем и протянула его подруге, однако та отмахнулась и продолжила поедать печенье, рассыпая крошки на кровать.

– Так, – сказала Надежда, – так... Значит, упала с обрыва и разбилась насмерть. Непонятно...

– Что тут непонятного? – завелась Машка. – Подошла к самому обрыву, голова закружилась, она и свалилась вниз.

– Слушай, видела я тот обрыв... Это же не Гран-Каньон все-таки. У нас тут, в области, настоящих гор вообще нет. Поэтому странно как-то, что она, когда падала, за кусты не цеплялась, не тормозила, не кричала... Ты кстати, ничего не слышала?

– Да нет, я пока задержалась... – Машка с хрустом смяла пустую пачку. – А больше ничего погрызть нет?

– Слушай, прекрати уже это обжорство! – возмутилась Надежда Николаевна. – Лучше в душ сходи и переоденься.

– Это нервное, ты же знаешь, у меня от стресса всегда растет аппетит, – принялась оправдываться Машка. – Да еще, пока стояла там, Виленыч вдруг за сердце схватился и на камни прямо сел. Ну, думаю, сейчас и этот помрет, что я буду делать?

– Надо же, так бодренько выглядел, купался в ледяной воде... Что дальше было?

– Ой, сначала прибежал Миша, охранник, потом фельдшер Сусанна Павловна. Миша на Альбину посмотрел и сказал, что мертвая она, как будто мы сами не видели. А Сусанна к покойнице и не подошла, это, говорит, уже не мое дело, а у Виленыча на глаз определила сердечный приступ. Укол сделала, он очухался, они с Мишей хотели было его наверх вести, но тут администратор кричит, что «скорая» приехала, и смотрю – уже бегут санитары со складными носилками. Подхватили нашего ВВВ и понесли, а мы с Мишей остались. Тут эти спускаются, подружки наши закадычные, Ляля с Галей, потом еще... ну, знаешь, парочка эта немолодая, как их фамилия-то...

– Знаю, псевдоним у них еще общий, из имен составили, пишут исторические романы из жизни Средневековья...

Машка взглянула на нее с подозрением, и Надежда прикусила язык, поскольку не сказала подруге, что поболтала как-то с той парочкой за чашкой кофе. Люди вежливые, приятные, спокойные. Надежда в тот же день нашла в интернете пару их романов и прочитала не отрываясь. Написано хорошо, образно, герои как живые, опять же интрига детективная интересная. Но Машке говорить про это было нельзя: эти писатели такие ревнивые, не могут слышать, когда при них хвалят другого.

– Ну, – продолжила Машка, – я как увидела этих подружек закадычных, так и поняла, что мне оттуда уходить надо. Потому что эти Галя и Ляля – уж такие злыдни, просто слов нет! Ну скажи, Надя, что я им такого сделала? Работаем в разных жанрах, в их любовные романы с элементами эротики я вообще не лезу. И они прекрасно это знают. Так отчего так себя ведут? Шипят, гадости за спиной говорят, насмеваются...

Надежда Николаевна промолчала, хотя ей было что сказать. Ее подруга Мария была личностью весьма неординарной. Хоть и знакомы они были только бог знает сколько лет, Надежда не уставала поражаться некоторым чертам Машкиного характера.

После развода с мужем подруга бежала от мужчин как от огня, говорила: обжегшись на молоке, теперь на воду дует. Была вся какая-то заполошная, не слишком умная, вечно плохо одетая, в квартире кавардак... Но развелась-то она лет восемь назад, так что пора бы уже успокоиться и забыть. Тем более что жила в большом городе, где имелось все – и магазины, и салоны красоты. Так что все дело было в характере.

Чтобы стать писательницей, Машка долго и упорно работала (вот этого у нее не отнимешь), ну и судьба, конечно, сделала подарок. Находясь в круизе, она стала свидетельницей убийства, а затем, что называется, по горячим следам, написала роман. Он стал популярным, по нему сняли сериал. И деньги появились, и признание, и в издательстве с ней теперь совсем по-другому разговаривали.

Но что с того? Да ничего. Одевалась Машка по-прежнему хуже некуда – одна эта футболка с жуткими картинками чего стоила – и страшно переживала, когда товарищи по перу говорили гадости. Ведь знала же, что завидуют. Ей бы держаться потверже, на других смотреть свысока и не показывать, что обижается, но она не могла, все у нее на лице было написано. А те чувствуют: бросили пробный шар, увидели, что она не прошла проверку на прочность, и окончательно распоясались. Как в старом анекдоте: писатель умер, а они некролог подписывают: «Стая товарищей».

– Давай в душ, – сказала Надежда, – потом переоденься, на завтрак сходим, может, узнаем подробности.

Она забраковала очередные Машкины брюки, найдя на них пятно от кофе, и велела надеть платье, но не слишком открытое и не слишком яркое, все-таки человек только что умер и Машку наверняка будет допрашивать полиция. Подруга заныла, что в платье будет холодно, все-таки конец августа, но Надежда была непреклонна:

– Ничего, до столовой дойдешь, не замерзнешь! Вон жакет мой надень!

Первой, кого они встретили у входа в столовую, была Варвара Молот – здоровенная бабища с зычным голосом и совершенно умопомрачительным смехом. Хохотала она часто, и было такое чувство, что где-то поблизости сходит лавина или самолет заходит на посадку, причем у него то ли шасси не выпускается, то ли правый двигатель отказал. Некоторые неприличные люди от смеха Варвары вздрагивали, спотыкались и хватались за сердце, а после долго не могли избавиться от шума в ушах. Надежда в первый раз тоже малость обалдела: эта тетеха Машка забыла ее предупредить. Потом пришлось до вечера трясти головой, как будто в уши попала вода. Зато Надежда однозначно поняла, отчего писатели при виде Варвары разбегаются в стороны, напоминая тараканов под дихлофосом.

Как уже говорилось, было много не только смеха и голоса Варвары, но и ее самой. Будучи примерно пятьдесят восьмого размера, а может, и больше, она всегда носила ужасающие балахоны, причем обязательно в цветочек или в клеточку. Сегодня по случаю печального события на ней был балахон в черно-белую поперечную полоску, а снизу еще выглядывали черные лосины.

– Здорово, девки! – громыхнула Варвара, стоя в дверях, так что протиснуться мимо не было никакой возможности. Она всех женщин называла девками, а мужчин – мужиками. – Ну чего, как вам новости?

– Ужас! – ответила Мария. – Надо же, упала с обрыва – и насмерть...

Варвара ничего не сказала, только хмыкнула, и Надежда Николаевна сделала вывод, что она не очень-то верит в такую причину смерти. Надежда и сама подозревала, что здесь все не так просто, однако пока решила подождать с выводами и получить хоть какую-то информацию. Однако за завтраком ничего путного выяснить не удалось, кроме того, что Валентин Виленович малость очухался и в больницу ехать категорически отказался, так что сейчас лежит у себя в номере под наблюдением фельдшерицы Сусанны Павловны.

Все это сообщили Надежде вездесущие подружки Ляля и Галя. Узнав, что Надежда Николаевна в писательском мире никто, они не испытывали к ней недобрых чувств, вообще никаких.

В столовой дико воняло подгоревшей кашей: оказалось, у поварахи сдали нервы из-за несчастного случая с бедной девочкой, как все теперь называли Альбину Борэ. Впрочем, кормили в пансионате отвратительно, так что этому никто не удивился. На завтрак обязательно либо подгоревшая каша, либо скисшее молоко, в обед давали обычно жидкий суп, а на второе преимущественно котлеты, которые Валентину Виленовичу напоминали о временах молодости.

«Какие мы были голодные в студенческие годы и как радовались котлетам из кулинарии за двенадцать копеек штука. В жизни ничего вкуснее не ел!» – произнес он однажды хорошо поставленным голосом, так что в результате у всех окончательно пропал аппетит, а тот самый муж из немолодой писательской пары даже пробормотал вполголоса что-то осуждающее. Варвара же Молот не промолчала, а зычно произнесла вслед уходящему с победой ВВВ: «Чтоб тебя на том свете каждый день советскими котлетами кормили!»

Надежда тогда едва скрыла согласную улыбку, а Волчок дернул плечом и запел свою любимую арию индийского гостя: «Не счесть алмазов в каменных пещерах, не счесть жем-

чужин в море полуденном...» Он обладал красивым голосом – просто концертный баритон, но у него совершенно не было слуха.

Сейчас в столовой все сидели притихшие, даже Варвара молчала.

Ляля и Галя по-прежнему злобно смотрели на Марию, теперь уже оттого, что именно она стала героиней утренней истории, именно она нашла труп. Точнее, не она, а ВВВ, но его-то в столовой не было. Кое-кто из писателей попытался Марию разговорить, но она сразу же села за самый дальний столик, да еще и смотрела исключительно в тарелку, хотя смотреть там было абсолютно не на что.

Нет, все-таки Мария совершенно не умела общаться с людьми! Хуже ее была только одна писательница – тоже сидела в углу, и никто даже не знал, как ее зовут. Но, странное дело, к Марии эти две подружки-злыдни все время цеплялись, а эту в упор не видели. Никто ее не замечал, Надежда даже голоса ее никогда не слышала.

А Машка все же неправильно себя ведет. А еще писательница! Как говорили в советские времена – инженер человеческих душ. И кто только такое выражение придумал? Надежда Николаевна сама в прошлом была инженером, профессию свою любила и очень жалела, когда пришлось все бросить.

Собственно, именно поэтому Надежда и оказалась в этом пансионате. То есть из-за Машкиного характера.

Подруга позвонила на той неделе и выпалила, что ее пригласили на одно мероприятие – не то семинар, не то конференцию, которое будет проходить в пансионате на берегу Финского залива. Места красивые, и хоть купаться поздновато, поскольку в конце августа вода в заливе уже холодная, погоду обещают отличную, так что можно гулять и вообще побыть на природе.

– Рада за тебя, – Надежда глубоко вздохнула, – так от меня-то ты чего хочешь?

– Надя, поехали со мной! Там номер двойной, удобный, можно со спутником, то есть с мужем, с родственником или с подругой... Надя, ты знаешь...

– Да знаю я. – Надежда снова вздохнула, ничуть не удивившись Машкиной просьбе.

Неуверенная в себе, Машка просто боялась оставаться один на один с незнакомыми людьми, тем более с писателями.

Разумеется, Надежда Николаевна хотела отказаться: у нее муж, кот, мама на даче, огород, у нее вообще полно дел. Но подруга прекрасно знала, что муж Надежды как раз уехал в командировку на две недели, а кота они давно отвезли на дачу, где он прекрасно ладит с бабушкой. И что с огородом сейчас особых проблем нет, потому как все, что нужно, уже убрали, а к осени его готовить когда еще придется. А что касается домашних дел, то они, как известно, никогда не кончаются, так что их можно отложить. Разумеется, Машка ничего такого не сказала, но Надежда и сама все поняла. И согласилась, еще раз мысленно вздохнув.

После разговора Надежда Николаевна осознала себя очень недовольной: не из-за Машки – к ней она уже привыкла, а из-за того, что часто стала вздыхать. Это плохо, значит, возраст дает о себе знать. Установила же правило, чего ни в коем случае нельзя делать: вздыхать, кряхтеть, когда встаешь или садишься, стонать, ныть и жаловаться на судьбу и погоду. Тогда никто и не вспомнит о возрасте. Разумеется, сейчас она была полна сил и энергии, но надо же ведь и о будущем подумать.

Пансионат «Голубой ручей» был построен еще в советское время. Конечно, его подлатили, подкрасили, заново заасфальтировали дорожки и сделали в корпусах косметический ремонт.

Подругам достался довольно просторный и чистый номер, постельное белье почти новое, и душ работал исправно, хоть и с малым напором. Но вот с едой была полная засада.

Надежда всегда считала себя женщиной некапризной в отношении еды, лишь бы было свежее, однако по прошествии первого дня в пансионате утвердилась во мнении, что главную повариху следует срочно уволить без права дальнейшей работы на кухне. На второй день она

стала более кровожадной и хотела посадить работников кухни в отдельную камеру и кормить их теми же блюдами так долго, сколько они выдержат.

Вообще-то можно было воспользоваться случаем, чтобы похудеть, но на свежем морском воздухе ужасно хотелось есть, так что пока Машка проводила время на лекциях, Надежда гуляла по окрестностям и забредала время от времени в кафе неподалеку от станции. Кафе было средненькое, но импортная кофеварка имелась. Именно там Надежда Николаевна и встретила симпатичную пару немолодых супругов-писателей, которые пригласили ее за свой столик, заметив, что не могут существовать без чашки утреннего кофе, а в столовой пансионата подают такую бурду, что пить невозможно.

В общем, Надежда сто раз пожалела, что согласилась поехать с Машкой, тем более что помочь подруге ничем не могла. На лекции и семинары она не ходила, а именно там все общение с писателями и происходило. А теперь еще и этот несчастный случай...

Все запланированные на сегодня мероприятия отменили, и подруги решили прогуляться до залива, чтобы посмотреть, что там происходит. Однако на полдороге у развилки стояла полицейская машина, и им строго сказали, что на берег нельзя, пока там идут следственные мероприятия.

– А мы пойдем другим путем, – прошептала Надежда и потянула подругу на ту тропинку, что вела к обрыву. – Сама говорила: оттуда все видно, вот и посмотрим.

– Там колючки... – Машка с грустью посмотрела на платье.

– А ты подол подбери!

Наверху не было ни полицейских, ни ограждения, и подруги сразу поняли, что сюда никто не поднимался. Тело несчастной Альбины уже увезли, внизу болтались желтые ленты и копошились какие-то три человека.

– Вон там, видишь, я спускалась, – сказала Мария. – До сих пор не пойму, как шею себе не свернула.

И правда, трава в том месте была примята, дерн сбился, кусты шиповника выдернуты.

– Да, здорово ты проехала... – задумчиво проговорила Надежда, которой не давала покоя одна мысль.

Если Альбина упала с этого обрыва, то почему не цеплялась за траву и кусты? Машка вон какую борозду пропахала, словно трактор прошел. Значит, Альбина была без сознания? А с чего молодой женщине вдруг сознание терять? Но даже если упала в обморок, то и лежала бы себе тут. А чтобы до берега докатиться, это же надо на самом краю стоять. И зачем это делать?

Значит, она упала не с этого места.

– Давай осмотрим тут все, – сказала Надежда, – и заодно расскажешь, как ты шла.

– Надя, я знаю этот твой взгляд! – Машка округлила глаза. – И голос у тебя такой становится, когда ты хочешь что-то расследовать! Ты считаешь, что это не несчастный случай?

– Давай показывай! Только ничего не забудь!

– Значит, поднялась я сюда по этой тропинке. – Мария остановилась, показывая в нужном направлении. – Вон там как раз лежали те штучки...

– Штучки! Сама ты штучка! Ты вообще о чем?

– Ну, ты же знаешь, что я люблю собирать всякие мелочи, когда куда-то ежу. Значит, иду я, а тут несколько предметов лежит, ну, я и подобрала...

– Не стоило их трогать! – Надежда фыркнула, опустилась на четвереньки и принялась ползать по траве, как фокстерьер, чуть ли не обнюхивая каждую кочку.

– Ну, и что ты надеешься найти?

– Пока не знаю... но вот здесь кто-то явно сошел с тропинки. А здесь, по-моему, топтались два человека... а здесь кого-то волокли, видишь, на траве борозда... Волокли к обрыву...

Надежда посмотрела вниз. С этой стороны на спуске не было ни кустов, ни травы, ни корней, одни голые камни. Да, здесь Машка нипочем не спустилась бы.

– Видишь? Вот откуда она упала...

Мария ничего такого не видела, но на всякий случай кивнула с умным видом.

– Ага... а вот тут... вот тут кто-то шел в сторону от тропинки...

Надежда, низко наклонившись над травой, подошла к росшему в стороне кусту, заглянула за него и радостно воскликнула:

– Вот оно!

– Что ты там нашла? – недоверчиво переспросила Мария, подходя к подруге.

В траве за кустом лежал увесистый камень – обычный круглый булыжник размером с мужской кулак.

– Ну, камень, – недоуменно проговорила Мария. – Здесь таких сколько угодно...

– А ты к нему присмотришь!

Мария внимательно присмотрелась – и увидела, что так взволновало Надежду. На боковой стороне камня имелось большое темное пятно.

– Ты думаешь, это... – пролепетала Мария, не в силах закончить предложение.

– Кровь, – закончила за нее Надежда.

– Уверена?

Надежда Николаевна немного помолчала и твердо произнесла:

– Конечно, нужно провести анализы, но я почти не сомневаюсь, что мы нашли орудие убийства.

Последнее слово прозвучало веско и страшно. Даже ветер после него стих.

– Убийство? – переспросила Мария, словно пробуя это слово на вкус. – Значит, Альбина не сорвалась с тропинки... значит, это не несчастный случай...

– Значит! – Надежда выдержала драматическую паузу и добавила: – Конечно, убийство! Ее ударили вот этим камнем по голове, а потом сбросили с обрыва. А камень спрятали за кустом.

– Надо его...

Мария наклонилась и хотела поднять злополучный камень, но Надежда Николаевна в последний момент перехватила ее руку:

– Ты что? Нельзя его трогать! На нем могут быть отпечатки пальцев убийцы! И вообще, на месте преступления все должно оставаться на своих местах до прибытия криминалистов... ты должна знать такие вещи, все же детективы пишешь!

– Ой, да, конечно... – Мария смутилась. – На меня какое-то помутнение нашло... Что же тогда делать?

– Нужно показать это место полицейским. Пусть они сами заберут улику, по всем правилам.

– Думаешь?

– Уверена! – отчеканила Надежда и потащила подругу к пансионату.

Однако до пансионата они не дошли. В самом начале «дороги смерти» стоял полицейский (тот самый, со сросшимися бровями), который увлеченно разговаривал по телефону.

– Да... – говорил он уверенным голосом. – Нет, я не поздно вернусь. Можешь готовить ужин. Да, не беспокойся. Да, сейчас я в пансионате, но долго не задержусь. Тут все ясно, несчастный случай, дело открывать не нужно...

– Извините, – проговорила Мария, остановившись перед ним. – Простите, что прерываю... но это не несчастный случай...

– Опять вы? – Полицейский мрачно взглянул на нее. – Я же сказал, чтобы вы сидели в номере! Нет, это я не тебе, – проговорил он в трубку. – Здесь кое-кто не в свое дело лезет!

Я тебе позднее перезвоню! – Он спрятал телефон в карман и вызверился на Марию: – Чего вам нужно?

– Я хотела... – залепетала та, – то есть мы хотели кое-что вам показать...

– Вы ведь писательница? Вы тут все писатели! Так вот сидите у себя в номере и пишите, что положено! А меня от дела не отвлекайте, иначе я вас привлеку за препятствие следствию!

– Препятствование! – поправила его Мария.

– Что? – рявкнул полицейский.

– Не препятствие, а препятствование!

– Вы меня еще поправлять будете! Я лучше знаю, за что вас привлекать!

Надежда, которая до этого предусмотрительно держалась в стороне, схватила подругу за локоть и зашептала:

– Пойдем отсюда!

Полицейский перевел дыхание и продолжил более спокойным тоном:

– Значит, так. Мне здесь детективы-любители не нужны, понятно? И чтобы вы мне больше на глаза не попадались!

Надежда сжала локоть подруги и потащила ее в пансионат, тихонько приговаривая:

– Пойдем отсюда, или он нас действительно привлечет!

– Но камень... – бормотала Мария. – Но улика...

– Не беспокойся, мы его заберем. И найдем кого-то повежливее и более компетентного, ему и отдадим камень...

– Но отпечатки...

– Мы с тобой сейчас найдем подходящий пакет и положим в него камень. Тогда отпечатки не пострадают.

Она втащила подругу в номер. Мария тяжело вздыхала.

– Я думала, в полиции служат такие воспитанные люди... вот один мой знакомый, полковник, между прочим...

– Знаю уже про твоего полковника! – отмахнулась Надежда. – Ты же говорила, что у вас с ним все!

– Ну да, как-то мы с ним разошлись...

Разошлись! Надежда тихонько фыркнула. Для того чтобы разойтись, нужно сначала сойтись. Надежда была рада, когда во время расследования убийства в круизе Машка познакомилась с симпатичным полковником полиции, и вроде бы у них что-то наклевывалось, но эта тетеха сама все испортила: решила, видите ли, что они будут только друзьями. Да когда такое было?

– Ладно, люди везде бывают разные. А вот и пакет... – Надежда нашла полиэтиленовый пакет подходящего размера и гордо продемонстрировала подруге: – Пойдем, нужно забрать камень, пока дождь не пошел и не смыл все следы. Сама знаешь, дожди здесь частые.

Через четверть часа подруги вернулись на «дорогу смерти». Они добрались бы и быстрее, но пошли в обход, чтобы не столкнуться с грубым полицейским.

– Ну, вот оно, то место! – проговорила Мария, остановившись на тропинке. – Вот трава примятая, а вот кустик, за которым спрятан камень. – Она заглянула за куст и удивленно проговорила: – Нет, здесь его нет... наверное, это не тот кустик...

Она огляделась по сторонам, шагнула к другому кусту, обошла его и протянула:

– И здесь нет... где же тот кустик?

– Это он и есть, – остановила ее Надежда. – Я запомнила и на всякий случай ветку надломил, чтобы не искать.

– Но где же камень?

– Очень актуальный вопрос. Камня, как ты видишь, нет.

– Но куда же он делся?

– Ты же понимаешь, камни сами не бегают. Значит, его унесли.

– Кто?

– А ты как думаешь?

Мария округлила глаза и проговорила тихим голосом:

– Убийца?

– Ну а кто же еще? Сама подумай. И видишь, он не только камень унес, но даже песок на этом месте разровнял грабелями, чтобы никаких следов не осталось!

Мария оторопело смотрела на то место, где недавно лежало оружие убийства.

– Значит, он здесь был уже после того, как мы ушли за пакетом! – Она понизила голос и добавила, зябко передернув плечами: – Может быть, он и сейчас где-то рядом прячется...

– Или она.

– Что?

– Ты говоришь – он. Но мы не знаем, был ли это мужчина. Может быть, как раз женщина.

– Ох! – Мария схватилась за сердце.

– Вот именно – ох! Да, кстати, ты мне говорила, что нашла здесь какие-то *штучки*.

– Ну да.

– Покажи-ка их.

– А, ну да. Тогда нужно вернуться в пансионат...

– Ну, естественно! Не будем же мы здесь торчать до вечера.

Подруги отправились обратно в пансионат, по дороге оглядываясь, чтобы не столкнуться с грубым полицейским, но машины на перекрестке уже не было, полиция уехала.

Возле входа в административный корпус Надежда схватила подругу за руку.

– Смотри!

В холле стояла огромная кадка, где росло непонятное растение – разлапистое и довольно некрасивое, но отчего-то все служащие пансионата очень им гордились, дежурная регулярно протирала листья, опрыскивала их водой, а охранник Миша тщательно рыхлил землю специальными грабелями.

Грабелки, всегда аккуратно повешенные на кадку сбоку, теперь валялись прямо в грунте, причем, как заметила Надежда, на них был самый обычный песок, в то время как в кадке находился специальный грунт для тропических растений.

– Ой! – взвизгнула Машка. – Так это же те самые грабли!.. Те, которые...

И потянулась их взять, Надежда еле ее удержала.

– Идем уж, не будем тут маячить!

– Сейчас... – Машка нагнулась, чтобы снять с юбки какую-то длинную лиловую нитку. – Ну вот, кажется платье порвала, пока по кустам прыгала... да нет, вроде не моя...

– Что ты делаешь? – изумилась Надежда, увидев, что подруга наматывает нитку на палец.

– А ты не помнишь? – Мария тихонько рассмеялась. – У меня с детства такая привычка осталась.

Тут Надежда вспомнила, как в детстве и правда полагалось, если найдешь на себе нитку, намотать ее на палец, повторяя буквы алфавита, и на какой букве нитка кончится, с такой буквы будет начинаться имя жениха. Или парня, которому понравиться.

– Непонятно только, какой масти твой жених будет, – с ехидством сказала Надежда. – Не блондин, не брюнет... с лиловыми волосами, что ли?

– Что? Ну вот, сбилась, – с досадой сказала Машка. – Да ладно, ерунда это все...

В номере она выложила на стол свои находки:

– Ну вот эти... штучки.

Перед Надеждой лежали: серебряная сережка в форме птички, огрызок простого грифельного карандаша, мелкая медная монетка, видимо иностранная, прозрачная пуговица, старая, погнутая алюминиевая ложка, свинцовая пломба и плоский металлический ключик.

Надежда схватила сережку:

– Смотри-ка, а ведь это ее...

– Кого – ее? – переспросила Мария.

– Альбины.

– Ты уверена?

– Я на ней точно такую видела накануне вечером. Но это мы легко можем проверить.

Ты ведь вчера фотографировала гостей пансионата.

Мария открыла фотоальбом на телефоне и нашла вчерашние снимки. На одном из них была запечатлена Альбина.

Мария до предела увеличила фотографию – и на ней стала хорошо видна серьга в ухе.

– Видишь? Та самая сережка! – Надежда Николаевна сравнила серьгу на снимке с той, которую держала в руках.

– Да, точно такая же. Надо же, какая у тебя зрительная память! И что это значит?

– Что найденные тобой «штучки» разложила Альбина. А вот для чего она это сделала и что хотела этим сказать – отдельный вопрос... Во всяком случае, уж не для того, чтобы ты увидела и унесла... – добавила Надежда ехидно.

– Но я же не знала, что это ее вещи! – возмутилась подруга. – Смотрю – лежат пустяки какие-то, я и взяла. Я ведь тебе говорила – у меня такое хобби...

– Ну, взяла и взяла, что уж теперь, – отмахнулась Надежда Николаевна. – Все равно сейчас это никого не интересует.

– Но как же, если ее убили?.. Полиция... улики... – растерянно пробормотала Машка.

– А что ты можешь им предъявить? Эту сережку? Допустим, ты докажешь, что серьга принадлежала Альбине, так на тебя еще и подумают... неприятностей потом не оберешься!

Мария вспомнила противного грубого полицейского и невольно поежилась.

Надежда Николаевна между тем разложила все находки в круг, посмотрела на них, склонив голову к плечу, переложила по-другому...

– Ну что ты на них уставилась? – проворчала Мария. – Видно же, что это случайный набор предметов...

– Может быть, да, а может быть, и нет... – Она еще раз переложила предметы на столе и наконец глубокомысленно произнесла: – Ага!

– Что? Что-нибудь нашла?

– Сама посмотри! Что ты видишь на каждой из этих «штучек»?

Мария внимательно посмотрела на свои находки и недоуменно пожала плечами:

– Ну не знаю... на некоторых что-то написано... вот на ложке надпись: «Общепит»... помню, такие были на посуде в заводских столовых, чтобы ее не уносили домой... и на ключе тоже какие-то значки... на пломбе, опять-таки, что-то выбито...

– Точно, на пломбе буква «Б» и какие-то цифры. На ключе надпись: И-374. Так иногда обозначают заводскую серию. Но и на остальных предметах тоже что-то есть.

Мария пригляделась. И правда, на огрызке карандаша стояла надпись: «Ш-2Т». Буква «Ш», наверное, осталась от слова «карандаш» после многочисленных заточек, а 2Т обозначало твердость грифеля.

– Но на других предметах ничего не написано...

– Как это – ничего? Вот на монете выбито: «50 Еге». Это какая-то мелкая скандинавская монета...

– Да, ты права... опять же на пуговице какой-то рисунок, похожий на букву.

Действительно, на прозрачной пуговице был вырезан узор в форме буквы Р, только повернутой в другую сторону.

– Но такой буквы нет! – запротестовала Мария.

– А если повернуть пуговицу вот так? – Надежда Николаевна перевернула пуговицу вверх ногами, и неправильная буква превратилась в мягкий знак – Ь.

– Осталась только сережка... Что на ней можно увидеть, кроме птички?

Надежда посмотрела серьгу на свет и сказала:

– Ну, во-первых, не просто птичка, а сова. А во-вторых... знаешь, раньше были такие детские картинки-загадки – найди на дереве рыбу или охотника... так вот, здесь можно найти букву. Видишь?

– Точно, буква Л, – согласилась Мария. – И что мы в результате получили?

– Сейчас посмотрим...

Надежда выписала все буквы и цифры на бумагу. Получилось следующее: Л; Общепит; И-374; Б-18; Ш-2Т; 50 Еге; Ь.

– Чуть какая-то! – авторитетно произнесла Мария.

– Подожди, мы еще только начали расшифровку! Давай теперь выделим из каждой «штучки» только первую букву. Может быть, это неправильно, но с чего-то ведь надо начинать...

– А у монеты впереди не буква, а цифры...

– А мы возьмем букву!

Теперь у Надежды получилось: ЛО И БШЕЬ.

– Понятнее не стало... – вздохнула Мария.

– Подожди, это еще не конец! Ты говорила, что сфотографировала находки, прежде чем забрала их?

– Ну да.

– Покажи снимок. Посмотрим, в каком порядке эти предметы лежали на земле.

Мария достала телефон и показала подруге фотографию.

– Ага, давай переставим буквы в том порядке, в котором лежали эти предметы. Первой идет плomba, это у нас буква Б... затем общепитовская ложка – буква О, за ней серьга – Л...

Буквы на бумаге выстроились в новом порядке: Б О Л Ь Ш И Е.

– Вот видишь, теперь мы получили вполне понятное слово – большие.

– Знать бы еще, кто или что эти большие... – протянула Мария.

– Да, хорошо бы... – согласилась Надежда, но сдаваться не собиралась. Наморщив лоб, она задумчиво проговорила: – Очень часто слово «большие» присутствует в названиях мест или населенных пунктов. Большие Бугры, Большие Поляны, Большие Колдобины...

– В детстве я отдыхала в деревне под названием Большие Грязи... сколько там было грибов! – мечтательно протянула Мария. – Белые, подосиновики...

– Вот видишь.

– Ничего я не вижу! Что нам дает одно это слово?

– А вот мы сейчас посмотрим...

Надежда включила поисковую программу и сделала запрос о населенных пунктах Ленобласти, в названии которых присутствует слово «большие». Программа выдала восемьсот девяносто названий.

– Да, действительно, слишком много вариантов...

Она сделала еще один запрос – о тех поселениях со словом «большие» в названии, которые расположены поблизости от их пансионата.

На этот раз список оказался куда меньше. На расстоянии до десяти километров не было ничего, а в круге радиусом двадцать километров обнаружили Большие Сарай, Большие Горки и какие-то странные Большие Колтуны.

– Да, действительно, непонятно, – сдалась Надежда Николаевна. – У нас слишком мало информации.

Мария, наблюдавшая за ней со стороны, насмешливо спросила:

– Ну что, теперь тебе здесь нравится?

– Что? – Надежда очнулась от мыслей и встретила взгляд подруги. – Ну...

– Надька, только не ври мне! Мы с тобой сколько знакомы?

– Столько не живут, – вздохнула Надежда, хотя дала себе слово этого не делать.

– Так вот, я знаю тебя так же хорошо, как ты – меня. И сейчас вижу, что ты в своей стихии, наконец-то тебе стало интересно. Ты хочешь расследовать это дело самостоятельно и поднести убийцу полиции на блюдечке с голубой каемочкой, вот!

Действительно, Надежда Николаевна Лебедева имела весьма необычное хобби. Она не вязала крючком, не собирала пазлы, не шила лоскутные одеяла и не клеила картины из опавших осенних листьев. Надежда расследовала преступления. Сначала она помогала друзьям и знакомым, попавшим в сложную ситуацию, потом случайным людям. И все было бы хорошо, если бы не муж, который был категорически против такого увлечения, утверждая, что Надеждин авантюризм не доведет ее до добра, что это опасно и так далее. Спокойный и выдержанный человек, Сан Саныч во время таких разговоров становился совершенно не похож на себя, кричал и даже стучал кулаком по столу и топал ногами. В общем, Надежда давала слово, что больше никогда и ни за что, и, разумеется, слово свое не держала. А потому тщательно следила, чтобы муж ни в коем случае не узнал о ее расследованиях, тем более что дела попадались и правда довольно опасные.

Короче говоря, Надежда Николаевна не приветствовала разговоры о своих приключениях, но сейчас, под ехидным взглядом Марии, не смогла соврать.

– Но ведь нужно что-то делать! По-твоему, я все придумала и никакого убийства не было?

– Да нет, мы же видели камень с кровью... и похоже, что Альбина и правда пыталась кому-то что-то передать с помощью этих вот штучек. А я помешала...

– Да не ты, а убийца! И вот что я тебе скажу: похоже, тот человек, которому Альбина пыталась что-то передать, не из нашего пансионата: в противном случае они как-нибудь здесь пересеклись бы. А вот убийца точно наш, он и про «дорогу смерти» знал, и про грабельки, которые в кадке лежат.

– И кто это может быть? – задумалась Мария, но ответа так и не получила.

– Я знаю, что делать! – заявила Надежда после недолгого раздумья. – Нам нужно обследовать номер Альбины.

– В смысле обыскать?

– В смысле обследовать.

– А как мы туда попадем?

– Очень просто. Ключи от всех номеров висят на ресепшене, на доске за спиной у дежурной. Ты отвлечешь дежурную, а я в это время утащу ключ...

– Почему это я должна ее отвлекать?

– Ну хорошо, я отвлеку, а ты утащишь...

– Ой, нет, лучше я отвлеку! Только вот как?

– Ну ты, в конце концов, писательница, придумай что-нибудь!

Мария задумалась, а потом озабоченно проговорила:

– Допустим, я ее отвлеку, ты украдешь ключ... но только днем мы не сможем попасть в номер, по коридору все время кто-нибудь ходит – то горничная, то дежурная, то кто-то из постояльцев.

– Не беспокойся, я уже все придумала, – заверила ее Надежда Николаевна, и подруги отправились в холл.

К счастью, там не было никого, кроме дежурного администратора.

Надежда остановилась возле столика с журналами, а Мария подошла к стойке ресепшена и взволнованным голосом проговорила:

– Посмотрите, вон там, в окно возле столовой залетело какое-то страшное насекомое!

– Какое еще насекомое? – Дежурная удивленно взглянула на Марию. – Здесь кроме комаров никакие насекомые не водятся.

– Ну что я, комара не видела? А это большое насекомое, вот такое! – Мария показала размеры голубя. – Оно залетело туда и сидит... и шевелит лапами...

– Не знаю, что там у вас такое...

– А вы посмотрите!

Крайне недовольная дежурная вышла из-за стойки и пошла вслед за Марией, даже походкой выражая все, что думает о чудаковатой постоялице. Вот уж денек сегодня выдался – не приведи господи! С утра несчастный случай, полиция, «скорая», все на нервах... так теперь еще эта видит каких-то насекомых. Наверное, глюки от стресса. Надо же, а они еще радовались, когда издательство сняло пансионат на неделю. Думали, писатели – люди приличные, пьянок-гулянок не устраивают, ночью спят, утром на завтрак не опаздывают, женщин в номера не водят. А вон что оказалось! Несчастный случай со смертельным исходом...

Едва дежурная с Марией скрылись за поворотом, Надежда метнулась к стойке, схватила с доски ключ и бросилась к номеру покойной Альбины.

В коридоре никого, к счастью, не было, Надежда торопливо открыла дверь, влетела в номер, подбежала к окну и приоткрыла его. Потом задернула штору, чтобы открытое окно не было видно из комнаты, и бросилась обратно.

Не успела она повесить ключ на доску, как Мария и дежурная вернулись в холл.

– А я вам говорю, что там было какое-то насекомое! – горячилась подруга.

– Но мы ничего не увидели...

– Значит, оно уже улетело. Или где-то спряталось и потом снова вылезет!

– Да вам, наверное, показалось...

Мария переглянулась с Надеждой, и та подняла вверх большой палец – мол, все в порядке. Тогда Мария неожиданно успокоилась и примирительно проговорила:

– Хотя, может быть, вы и правы. Наверное, мне показалось. Вы же знаете – у нас, у писателей, такое богатое воображение...

Дежурная не нашла, что ответить, и только недоуменно пожала плечами.

Отойдя от стойки ресепшена, Мария прошипела:

– Ничего не получилось?

– Почему же? Все получилось!

– Да? А ключ висит на прежнем месте, я видела.

– Ну конечно, иначе его хватятся. Но я обеспечила нам гарантированный проход.

Весь день делать было решительно нечего, так что подруги прогулялись до станции, зашли в кафе и напились кофе.

Обед, как ни странно, оказался вполне приличным – куриный суп с лапшой и обычные сосиски с гречневой кашей.

– Вот интересно, отчего в этой столовой я чувствую себя так, будто нахожусь в пионерском лагере? – тихо сказала Надежда пожилым супругам, с которыми сидела за одним столом.

– И не говорите, – вздохнул муж, – просто хочется встречать эту повариху пионерским салютом: «Будь готов!»

– Всегда готов! – засмеялась его жена. – Как Гагарин и Титов! А если не будешь сосиску есть, отдай мне, чтобы добро не пропадало!

– Нет уж, сам доем. Вспомню пионерское детство: в лагере, если не доешь, два наряда вне очереди давали!

Вторую хорошую новость принесли вездесущие Галя и Ляля: Валентин Виленович Волчок наконец очухался, отпустил фельдшерицу Сусанну и потребовал обед в номер.

Вечером, после ужина, Надежда с Марией вышли на улицу и отправились в сторону залива, сообщая встречным писателям, что хотят посмотреть лунную дорожку на море. Однако, отойдя от пансионата метров на двести, свернули с дорожки и вернулись, прячась за кустами.

– Ну и как мы попадем в ее номер? – спросила Мария вполголоса.

– Очень просто. Через окно. Я его открыла... Вон, видишь, третье от угла...

Подруги осторожно подкрались к окну, и Надежда уже ухватилась за подоконник, чтобы взобраться, как из номера донесся гулкий, раскатистый голос:

– О скалы грозные дробятся с ревом волны...

– Это ВВВ! – зашипела Мария. – Он вечно эти арии поет – то варяжского гостя, то индийского...

Надежда Николаевна захихикала:

– Хороши бы мы были... и что бы он о нас подумал...

– Ну, и что теперь?

– Извини, я ошиблась. Альбиново окно следующее...

– Уверена?

– На сто процентов!

Соседнее окно тоже было полуоткрыто, но изнутри не доносилось ни звука. Правда, Надежде показалось, что в кустах неподалеку идет какая-то возня. Может, кошка поймала мышь? Или ночная птица?..

На этот раз Мария первой ухватилась за подоконник и, попробовав пару раз подтянуться, пропыхла:

– Подсади меня!

Надежда ухватила ее за талию и стала подталкивать, бормоча:

– Тяжелая ты какая...

– Ничего не тяжелая! Я очень много хожу пешком!

– Есть надо меньше...

– Но-но, я бы попросила!

– Давай лучше я попробую залезть, а ты меня подсадишь!

Но Мария собралась с силами, влезла в окно и помогла Надежде.

Цель была достигнута.

Надежда Николаевна посветила вокруг фонариком в телефоне и тихонько чертыхнулась. В номере царил полный порядок – все вещи были убраны, кровать аккуратно застелена, на мебели ни пылинки.

– Надо же, и когда только успели все прибрать?

Мария открыла шкаф, но и там было пусто и чисто, только плечики для одежды покачивались на штанге.

– Черт! – воскликнула Надежда, проведя пальцем по письменному столу. – Опоздали. Человека еще не похоронили, а они... Как наш номер убрать – так уборщицу не дозовешься, а тут поспешили...

Она подошла к мусорной корзине и, заглянув в нее, вздохнула:

– И здесь ничего не осталось...

– А что ты рассчитывала найти?

– Ну, мало ли... Какую-нибудь записку, обрывки... мусорная корзина многое может сказать о своем владельце.

– Тебе виднее. Но в любом случае там ничего нет. И вещи унесли... – заметила Мария. – Интересно куда?

– Наверное, в кладовую. Знаешь, комнатка позади ресепшена...

– А что это у тебя глаза загорелись? На взлом кладовой я не согласна. Это уже подсудное дело!

– Да я тебе и не предлагаю... – ответила Надежда Николаевна и, опустившись на четвереньки, заглянула под кровать.

– А там ты что ищешь?

– Мало ли, уборщица что-нибудь пропустила... – пропыхла Надежда. – А тут и правда что-то лежит... у тебя нет чего-нибудь длинного, а то мне рукой не достать?

– Разве что язык... и то вряд ли.

– Ох... ну ладно, кажется, и так дотянулась...

Надежда задом выползла из-под кровати, держа в руке трофей – книжечку в мягкой обложке:

– Смотри, что я нашла! Все-таки уборщица под кроватью пыль никогда не выметает!

– Сборник кроссвордов! – прочитала Мария, наклонившись. – Вот уж не думала, что Альбина увлекается кроссвордами! Но вряд ли нам это что-то даст...

– Ну больше-то мы ничего не нашли. А этот сборник может что-то сказать о покойной.

– Мне он говорит только одно: у нее не было никакой личной жизни. Иначе она кроссвордами не увлекалась бы.

Надежда возблагодарила Бога, что в комнате темно и подруга не видит ее лица. Уж кто бы говорил о личной жизни, только не Машка! У самой там полная неразбериха.

– Все-таки я возьму этот сборник. Никогда не знаешь, что может пригодиться.

– И пойдем уже отсюда! – опасливо прошептала Мария, услышав шаги в коридоре.

– Да, пойдем, тем более что здесь все равно делать нечего...

Надежда Николаевна вылезла из окна и огляделась. Ей снова показалось, что кусты отцветшей сирени зашевелились. Вообще-то не похоже на кошку... Она присмотрелась, но больше ничего не заметила и, повернувшись к окну, прошептала, подражая героям кино-боевиков:

– Все чисто!

Мария вылезла вслед за ней, и подруги, пригнувшись, добрались до дорожки, и уже по ней, оживленно переговариваясь, направились к пансионату, словно возвращаются с прогулки.

– Ты знаешь, – произнесла Надежда Николаевна нарочито жизнерадостным голосом, – я так довольна, что приехала сюда! С погодой нам определенно повезло, и если бы не комары...

– Если бы не комары! – подхватила Мария, одним ударом прихлопнув на своей шее двух кровососов.

– Девки, как там ваша лунная дорожка? – поинтересовалась Варвара, возникнув у них на пути. По вечернему времени вместо балахона на ней были необъятные полосатые штаны и пончо, над которым очевидно трудилась целая деревня мексиканцев.

– Имеет место быть! – ответила Надежда, ловким хоккейным финтом обойдя Варвару и вызволив Машку, которая умудрилась запутаться в пончо.

Они проследовали в свой номер, и Мария снова перешла на взволнованный шепот:

– Как вспомню бедную Альбину на берегу, мурашки по коже! И ведь самое ужасное, что убийца наверняка один из постояльцев пансионата! Один из нас!

– Точно не я и не ты. В этом я уверена.

– Ну, это само собой!

– Давай уже спать, завтра утром обдумаем все на свежую голову. Как говорится, утро вечера мудренее.

– Не знаю, смогу ли заснуть. Как закрою глаза – так и вижу ее мертвое лицо...

– Угу... ты овец считай, что ли... или слонов...

– Слоны большие... – сонно сказала Машка, – в голове много не поместится...

И только Надежда хотела спросить, что, собственно, подруга имеет в виду, как услышала ровное дыхание, изредка прерываемое негромким храпом. А сама принялась прокручивать в голове события сегодняшнего дня в деталях. Пуговица, пломба, алюминиевая ложка мелькали перед ее внутренним взором. Она уже знала, что это не случайный набор предметов, что в них зашифровано слово «большие», однако одно это слово ничего ей не давало. Явно чего-то не хватало, что-то она упускала из виду...

Надежда думала, думала – и не заметила, как заснула.

Ей снилось, что она – снова студентка, сидит на лекции в большой потоковой аудитории, а рядом с ней почему-то ее муж Сан Саныч, который на самом деле учился в другом институте. На кафедре перед ними стоял пожилой преподаватель в старомодном костюме, с огромной всклокоченной бородой и длинными седыми волосами, спадающими на плечи.

– Сон, – вещал он, – есть наиважнейшее физиологическое состояние человека. Во сне мы зачастую можем разрешить сложнейшую задачу, с которой не могли справиться в другое время. Сон помогает нам взглянуть на проблему с новой, неожиданной стороны. Но это не значит, что позволительно спать на моей лекции! Это я вам, сударыня! – и преподаватель длинным искривленным пальцем указал на Надежду.

Тут же все студенты в аудитории повернулись к ней...

Надежда проснулась и села на кровати.

Что означает этот сон? Кто этот человек с бородой? Вроде среди ее институтских преподавателей такого не было, но его лицо казалось ей удивительно знакомым... Она наморщила лоб и вспомнила. Портрет этого человека висел на почетном месте в школьном кабинете химии, и был это не кто иной, как великий ученый-энциклопедист Дмитрий Иванович Менделеев!

– Менделеев! – воскликнула Надежда в полный голос.

– Что случилось? – сонным голосом пробормотала Мария. – Ты что не спишь?

– Мне приснился Менделеев...

– С чем тебя и поздравляю! – Машка села на кровати.

– Да подожди ты с поздравлениями! Менделеев во сне говорил что-то важное.

– Интересно, что именно?

– Он говорил, что во сне может прийти неожиданное решение задачи, над которой ты безуспешно бьешься днем.

– Ну да, такое случается, – проговорила Машка совсем уже не сонным голосом. – Английский поэт Кольридж увидел во сне свою поэму «Кубла-Хан» и, к сожалению, не все успел записать, когда проснулся. Его кто-то отвлек. Нильс Бор увидел во сне модель атома, а Менделеев – свою периодическую систему... Но вообще-то ночью нужно спать... и самим спать, и другим не мешать...

– Вот, вот! – выпалила Надежда, вскакивая с кровати. – Я все время думала, что общее у тех предметов, которые ты нашла на тропинке, и Менделеев мне подсказал!

– Надя, это не потерпит до утра?

– Не потерпит! Ты сама сказала, что Кольриджа отвлекли и он не успел записать всю поэму. Так что важно разобраться сразу, по горячим следам.

– Так то Кольридж... – тихонько пробормотала Машка, с грустью глядя на подушку.

Надежда Николаевна прекрасно все расслышала, но не стала заедаться, так как у нее просто не было времени.

– Где лежат твои находки?

– О господи! Ну все, ты меня окончательно разбудила... Да вон там, в ящике стола.

Надежда выложила на стол семь маленьких «штучек» и возбужденно проговорила:

– Я все время думала, что у них общего. Казалось бы, пуговица и ложка, ключ и пломба – совершенно разные вещи... и вот Менделеев открыл мне глаза! – Она сделала эффектную паузу.

– Ну говори уже!

– Общее между ними то, что они совершенно разные!

– Если ты думаешь, что стало понятнее, то ошибаешься. Сама-то поняла, что сказала?

– Отлично поняла! Вот посмотри. Ложка – алюминиевая, сережка – серебряная, карандаш – графитный, пломба – свинцовая, монета – медная, пуговица – стеклянная, ключ – стальной...

– Ну и что?

– То, что они из разных материалов, и каждый материал – элемент периодической системы, открытой Менделеевым.

– Так-таки и каждый! Согласна насчет серебра, алюминия, меди и свинца, но про остальные материалы не уверена. Разве в таблице Менделеева есть стекло или, например, графит?

– Сразу видно, что ты филолог! Графит – это одна из форм углерода, наряду с углем и алмазами... атомы те же самые, только разные кристаллические решетки...

– Ой, и правда, я слышала об этом... А остальные?

– Стекло делают из кремния, элемента периодической системы, а сталь – из железа. Правда, к железу добавляют другие вещества для улучшения свойств, но основа все же само железо. Вообще-то это в школе проходят, в девятом классе! – ехидно добавила Надежда и тут же об этом пожалела.

В ответ эта зараза Машка разразилась длиннющей фразой на английском, из которой Надежда Николаевна поняла только «образование» и «стыд», но быстро додумала остальное: что образованному человеку, каковым считает себя Надежда, стыдно не знать хотя бы одного иностранного языка. У нее хватило выдержки ни одним движением не дать понять Машке, что она уразумела фразу, так что удар не достиг цели.

– Так что мы имеем набор из семи элементов периодической системы, и я уверена, что это не случайно. Альбина что-то хотела этим сказать, – голос Надежды звучал ровно и спокойно, как озерная вода на рассвете.

– Уверена?

– Более чем уверена. Если бы предметов было два или три, это можно было посчитать случайным совпадением, но здесь их целых семь, и тут уже вероятность совпадения ничтожная... впрочем, ты филолог, и тебе такие вещи, как вероятность, трудно понять.

– Вот только не надо этой снисходительности! Я тоже кое-что знаю. И теорией вероятности меня не запугаешь!

– Да, вот только где бы найти периодическую систему... – Надежда оглядела комнату и вдруг ударила себя по лбу: – Какая же я глупая! У меня же есть телефон, в телефоне – интернет, а в интернете можно найти все что угодно...

Она включила телефон, и меньше чем через минуту на экране была знаменитая таблица.

– Так... – бормотала Надежда Николаевна, сосредоточенно водя пальцем по строчкам и столбикам. – Значит, кремний – элемент номер 14, алюминий – номер 13, серебро – 47, железо – 26, свинец – 82, углерод – 6 и медь – номер 29. Теперь выпишем эти номера в том порядке, в котором были разложены предметы...

Она сверилась со списком, выписала на листке: 82 13 47 14 6 26 29 – и с гордостью предъявила подруге результат своего труда:

– Вот что у меня получилось!

– Ну и что это такое?

– Часть числового шифра – второе слово какого-то названия. Первую часть названия мы прочли вчера, это «большие». А вот чтобы узнать второе слово, нам нужно прочесть этот числовой код. Я уверена, что каждое из этих чисел обозначает какую-то букву.

– Уверена! – передразнила ее Мария. – Ты же не знаешь, как этот шифр разгадать!

– Пока не знаю. Но зато я знаю, как подходить к расшифровке таких кодов. У нас есть определенная числовая последовательность, теперь нужен только ключ, который поможет перевести эти числа на понятный язык.

Ну вот, подумала Мария, Надежда села на своего конька: глаза горят, энергия прямо брызжет, она не успокоится, пока все не разгадает и не расследует.

– И где же нам взять этот ключ? – грустно протянула она и взглянула на плоский стальной ключик, который лежал среди остальных предметов.

– Обычно ключом для таких числовых шифров является какая-нибудь книга. Нужно открыть ее на определенной странице и выписать буквы, отсчитывая их от начала.

– Но у нас нет такой книги!

– Вообще-то есть! – Надежда метнулась к полке, где лежал сборник кроссвордов.

– Ты думаешь...

– Этот сборник был в номере Альбины.

– Она бросила его под кровать... Да может, он вообще от предыдущего постояльца остался!

– Вот именно! Она положила его под кровать, надеясь, что там его не найдут. А прошлый жилец держал бы его на виду!

– Не найдут... кто?

На этот вопрос Надежда не ответила, лихорадочно перелистывая сборник и бормоча себе под нос:

– Знать бы, на какой это странице...

– Может быть, на этой? – проговорила Мария, заглянув через плечо подруги и ткнув пальцем на номер страницы, где, согласно содержанию, был размещен кроссворд с многообещающим названием «Большие ожидания».

– Почему это? – машинально переспросила Надежда. – Ах да, конечно... в любом случае, нужно попробовать.

«Вот так-то. И мы что-то можем, – подумала Мария. – И незачем таким тоном разговаривать, как будто она – профессор, а я – нерадивый студент с первого курса».

Надежда Николаевна открыла сборник на нужной странице и внимательно ее осмотрела.

– Здесь нет сплошного текста, в котором можно отсчитывать буквы от начала, – проговорила Мария. – Здесь только номера клеток и вопросы...

– Номера клеток! – оживилась Надежда. – Может быть, в этом все дело? Надо выбрать клетки с нужными номерами? Тем более что кроссворд большой, и все эти номера в нем есть...

Она нашла вопрос, относящийся к первому номеру из их списка: свинец, номер 82.

Вопрос был такой: «Сказочник, обувший кота».

– Шарль Перро... – не задумываясь ответила Мария.

– Вот видишь, и твоя филология на что-то годится... хотя про Перро все знают...

Надежда выписала на листок первую букву: П.

Следующим был вопрос номер 13, алюминий.

«Главное оружие рыбакова».

– Удочка! – выпалила Мария.

– Какой простой кроссворд... – протянула Надежда и записала вторую букву: У.

Следующим шло серебро, номер 47 по таблице Менделеева.

«Общее название жителей нескольких стран Северной Европы».

На этот раз подруги хором проговорили:

– Скандинавы!

После этого шел кремний, номер 14.

В кроссворде под четырнадцатым номером значилось: «Предок доллара».

– Что еще за предок? – недоуменно протянула Надежда Николаевна.

– Я слышала, – неуверенно ответила Мария, – что слово «доллар» произошло от искаженного названия монеты талер, которая была распространена в разных странах Европы.

– Правда? Ну ты даешь! – и Надежда записала следующую букву: Т.

Теперь у нее получилось: «Пуст».

– Это уже на что-то похоже...

– Пустяки! – протянула Мария.

– «Пустяки», кстати, тоже подходят... Что там дальше?

Дальше был углерод, шестой номер Периодической системы и один из самых распространенных элементов.

В кроссворде под шестым номером значился вопрос: «Тропический плод, незаменимый по утрам».

– Кофе, что ли? Но здесь шесть букв, а не четыре, и кофе – это не плод...

– Может, огурец? – задумчиво протянула Мария. – Некоторым с утра очень помогает... особенно соленый или маринованный. Вот Витька, муж бывший, очень огурцы соленые уважал, когда к примеру после праздника какого. Ничего, говорил, мне не надо, кроме соленого огурчика. Съест полбанки, только тогда в себя придет, а потом уже плотный завтрак требует, и чтобы непременно острое было и горячее, как у Булгакова написано. Помню, я извелась вся эти горячие завтраки придумывать...

– Ну, теперь ему другая жена огурцы по утрам подает и горячие завтраки изобретает.

– Не-а! Он теперь вообще не пьет. Новая жена здоровым образом жизни увлекается и его заставляет. По утрам они бегают, спать ложатся не позже одиннадцати, встают в семь даже в выходной, питание раздельное.

– А ты откуда такие подробности знаешь?

– А он звонил недавно, поздравлял с выходом сериала. Реклама-то по телевизору заранее была...

– Ага, значит, когда ты была заурядной зачуханной преподавательницей, то не нужна была, а как стала знаменитой, то сразу понадобилась?

– Ну, я так примерно и сказала ему, намеком, конечно.

– А он?

– А он говорит, что все гораздо сложнее...

– Может, у него на работе какие-нибудь неприятности или со здоровьем не все ладно?

– Да нет, сказал, что все в порядке... встретиться не предлагал, если тебе интересно.

Надежде было не особенно интересно. Бывшего Машкиного мужа она знала плохо, но сейчас подумала, что он действует как хороший рыбак, который долго водит крупную рыбу, чтобы не сорвалась с крючка. В то, что бывший позвонил Марии просто поздравить, она не поверила ни на секунду. Но, в конце концов, это не ее дело.

Надежда Николаевна руководствовалась в жизни простым правилом: не давать никаких советов, пока ее не спросят.

– Но разве огурец тропический? – вернулась она к кроссворду.

– Да вроде пришел к нам из тропиков. Кажется, изначально огурцы росли в Индии, – Мария тоже решила сменить тему.

– Ну, пусть будет огурец.

Теперь на листке было написано: «Пусто...»

– Это символично! – саркастически проговорила Мария.

– Не каркай!

За углеродом шло железо, номер 26.

И соответствующий вопрос: «Бронежилет для головы средневекового витязя».

– Надо же так написать – жилет для головы! Глупость какая! Кто такое придумал?

– Глупость или нет, но это шлем, – догадалась Мария.

– Правда, и по буквам подходит...

Остался последний элемент в списке: медь, двадцать девятый номер таблицы.

Под этим номером стоял вопрос: «С ниткой навеки».

– Как это? – задумалась Надежда Николаевна.

– Ну как же! Говорят ведь: «Как иголка с ниткой». Значит, ответ – иголка.

– Ах, ну да, действительно!

Надежда вписала последнюю букву, и на листке появилось слово: «Пустоши».

– Ну вот, что и требовалось доказать! Твоими «штучками» было зашифровано «Большие Пустоши». А что? Вполне подходит для названия населенного пункта!

– Да, подходит. Но что это за Пустоши такие?

– Интернет знает все! – Надежда включила телефон и сделала поисковый запрос.

Ей тут же сообщили, что Большие Пустоши – поселок городского типа в Ленинградской области, в котором имеется птицефабрика, комбинат железобетонных изделий и лесопилка. По последней переписи в Больших Пустошах проживает три тысячи пятьсот человек, имеется средняя школа и Дом культуры...

Надежда не стала дочитывать до конца, а пригорюнившись и подперев щеку кулаком, грустно посмотрела на подругу:

– Ну, выяснили мы, что Альбина зашифровала Большие Пустоши, но легче от этого не стало. Там больше трех тысяч жителей! Как там что-то искать?

– Особенно если мы понятия не имеем, что ищем, – добавила Мария.

– Ох, ты права... – в кои-то веки согласилась с ней Надежда. – Ну, Альбина, загадала ты нам загадку... – Она немного подумала и спросила: – А какая она вообще была, эта Альбина? Что ты о ней знаешь?

– Вообще-то ничего, – призналась Мария. – Видела ее книжки, одну даже полистала, но это не мое. В жизни и без того много мрачного, чтобы еще читать такое...

– Ну давай хоть про нее почитаем, – предложила Надежда Николаевна. – Может, она была как-то связана с этими Большими Пустошами... может, родилась там...

Она открыла статью, посвященную Альбине Борэ, и первым делом выяснила, что родилась та в Саратове, откуда еще в детстве переехала с родителями в Петербург, и что фамилия ее Брыкина, а Борэ – это псевдоним, вот так. Большие Пустоши в ее биографии не упоминались.

– И здесь прокол... – протянула Надежда, но внезапно замолчала, взглянув на фотографию покойной писательницы.

– Ну, что ты еще про нее выяснила? – спросила подруга.

– А ты сюда посмотри.

Мария взглянула на экран.

– Кто это?

– Написано, что Альбина Борэ.

– Да? А кто же тогда жил в пансионате?

– И кого убили на «тропе смерти»?

Подруги в недоумении уставились на фотографию писательницы.

– Вот это поворот! – проговорила наконец Надежда Николаевна. – Тянет на сюжет детективного романа?

– Насчет романа не знаю, но это дело приобретает совсем другой оттенок... Значит, Альбина выдавала себя за другую... тьфу! То есть эта девица выдавала себя за Альбину!

– И как же вы на своих семинарах не догадались, что она вовсе не писательница?

– А она на них не ходила... – Казалось, Мария была удивлена. – Точно! Я ее только раз там видела. Помню, Виленыч прицепился к ней: «А что это вы, девушка, манкируете посещениями? Нам издательство все организовало, чтобы мы не только отдыхали, но и повышали свое мастерство...» Так она наклонилась к нему близко-близко и сказала прямо в ухо...

– Представляю... – фыркнула Надежда. – Послала открытым текстом далеко и надолго.

– В общем, ВВВ стал прямо багровым и больше к ней не лез, а подружки наши закадычные, Ляля и Галя, в разные стороны брызнули. Я еще, помню, позавидовала ей – умеет же человек себя поставить... А теперь жалею...

– Никогда никому нельзя завидовать! – поддакнула Надежда Николаевна. – Но самое главное – если это не Альбина, то кого же здесь убили? – И немного помолчав, вдруг заявила: – А я ведь, кажется, дома занавески не раздернула.

– Что? – недоуменно осведомилась Мария. – При чем здесь занавески?

– При том, что они могут выгореть. Жаль будет: они очень хорошие и дорогие. Так что я, пожалуй, съезжу в город, раздерну занавески...

– Нашла время!

– Раздерну занавески и заодно проведаю Альбину Борэ.

– Кого? – испуганно переспросила Мария. – Она ведь... ее ведь... ах, да...

– Вот именно. Если убита другая женщина, значит, Альбина Борэ должна быть жива. Вот я ей и нанесу визит. Может, узнаю что-нибудь интересное.

– А как ты ее найдешь?

– Да уж найду!

Дело в том, что у Надежды Николаевны была замечательная база данных, подаренная одним очень влиятельным лицом, которому она в свое время оказала большую помощь, и по этой базе можно было найти любого жителя прекрасного города на Неве.

– В общем, я съезжу в город и вернусь к ужину! – Надежда начала собираться.

– Куда ты? Еще и завтрака не было! – спохватилась Мария.

– Ох, уж этот завтрак, – скривилась Надежда. – Однако на голодный желудок в дорогу никак нельзя...

То ли звезды сегодня были благосклонны к жильцам пансионата, то ли повариха не вышла на работу, но на завтрак давали оладьи со сметаной, причем и оладьи не подгорели, и сметана была свежей.

И все было бы ничего, если бы за соседний столик не сели закадычные подружки Ляля и Галя, которые вели себя более странно чем обычно: пялились во все глаза на Марию, потом громко разговаривали друг с другом, причем явственно слышались фразы: «Это полный кошмар», «Никакого стыда», «Это переходит уже все границы», «Куда смотрит администрация пансионата?» и «Нужно непременно сообщить в издательство».

Мария, побледневшая, ерзала на стуле, Надежда спокойно ела. Окружающие помалкивали.

В конце концов не выдержала Варвара, она подошла к их столику и зычно спросила:

– Девки, за чью жизнь так сильно переживаете?

Подружки Варвару не то чтобы побаивались, но слегка опасались. Уж она-то точно могла ответить такими словами, которые прилипнут намертво, потом не отмоешь, не отстираешь. Поэтому Ляля и Галя несколько стушевались, но тут же взяли себя в руки и вполголоса ввели Варвару в курс дела. Говорили они громким драматическим шепотом, поминутно оглядываясь на Марию, которая потихоньку сползала со стула, стараясь уйти под стол.

– Не может быть! – громко сказала Варвара. – Не верю вам, сплетницам!

Подружки надулись. В это время в столовую вошел Волчок собственной персоной. Он был чисто выбрит, румян, весел и нисколько не напоминал больного.

– А вот мы сейчас его самого спросим. Виленыч, говорят, к тебе женщины по ночам в окна лазают? – гаркнула Варвара и вроде бы случайно мотнула головой в сторону столика, за которым Мария умирала от стыда.

– Завидуйте молча, сороки! – отмахнулся ВВВ и пошел за оладьями, напевая арию из той же оперы, но другого гостя: – Город прекра-асный, город счастливый, моря царица, Веденец славный!

Варвара захохотала так громко, что Ляля уронила вилку, а когда привстала, чтобы ее поднять, проходившая мимо Надежда аккуратно подложила ей на стул большую оладью, густо вымазанную жирной сметаной.

Немолодые супруги-писатели, никогда не вмешивающиеся ни в какие конфликты, сидели в стороне, но все видели. Жена едва удерживалась от смеха, кусая губы, муж подмигнул Надежде и поднял вверх большой палец. Одна только бледная писательница, имени которой никто не мог запомнить, как сидела, опустив глаза в тарелку, так и продолжала сидеть.

– Интересная вещь: лезли мы вдвоем, а заметили только меня, – удивлялась Машка по дороге из столовой.

– Ты становишься знаменитой... – рассеянно ответила Надежда.

В мыслях она уже была у настоящей Альбины Борэ, однако прежде чем ехать, решила убедиться, что та дома.

Надежда Николаевна набрала ее номер и почти сразу услышала несчастный простуженный голос:

– Алло... слушаю вас...

– Альбина Николаевна? – торопливо спросила Надежда.

– Да, а кто это?

– Это Наталья Кнопочкина из бухгалтерии издательства. Понимаете, нам очень срочно нужна ваша подпись на одном важном финансовом документе...

– А можно прислать скан?

– Нет, что вы! Нам непременно нужна живая подпись, иначе мы не сможем провести оплату.

– Ох, как неудачно... я не хотела сегодня выходить из дома... понимаете, у меня...

– А в чем проблема? Я к вам могу подъехать! – Надежда с трудом удержала в голосе радость. Надо же, как удачно Альбина подхватила простуду.

– Ох, мне неудобно...

– Да бросьте! Наше правило – все делать для удобства авторов! – заявила Надежда Николаевна.

– Я вам так признательна...

– Так вы сегодня будете дома?

– Да, весь день.

Добираться до города было непросто, но Надежду удачно подвез к станции микроавтобус, едущий за продуктами. Поезд шел по расписанию, так что уже через два часа Надежда Николаевна звонила в дверь на четвертом этаже дома около Финляндского вокзала.

– Иду, иду! – раздался простуженный голос, за которым последовали шаркающие шаги. Замок щелкнул, дверь открылась.

На пороге стояла рыжая, чуть полноватая женщина лет тридцати пяти в теплом не по сезону халате и полосатых шерстяных носках. Глаза у нее были красными, нос тоже был красным и распухшим.

– Здравствуйте... – прогнусавила она. – Это вы мне звонили? Что нужно подписать?

– Здравствуйте, – проговорила Надежда, – а где Альбина Николаевна? Нам вообще-то нужна ее подпись.

– А это я, – ответила простуженная женщина.

– Да что вы... – Надежда Николаевна изобразила удивление. – Но я видела фотографии на книгах и рекламных материалах... вы на них совершенно не похожи!

– Ну это политика редакции. – Альбина поморщилась. – Они считают, что моя внешность не сочетается с темами моих произведений, и это может разочаровать целевую группу...

– Ах, вот в чем дело! – протянула Надежда глубокомысленно. – Вообще-то, я ваша большая поклонница... но никак не думала... А это точно вы? Ведь если я привезу не ту подпись...

– Да я, я! В издательстве все меня знают. Вы, наверное, недавно работаете?

– Да, совсем недавно... поэтому меня и послали к вам. Вот, кстати, тот документ, который нужно подписать... – И Надежда вытащила из сумки листок, на котором заранее напечатала какой-то невразумительный текст, внизу которого стояла фамилия Альбины Борэ.

– Давайте пройдем в квартиру – не в коридоре же важный документ подписывать. Только вы уж извините, – прогнусавила Альбина, – у меня беспорядок... я никого не ждала...

– Да ничего страшного! Что я, беспорядка не видела?.. – храбро ответила Надежда, однако, войдя в комнату, поняла, что такого беспорядка действительно не видела очень давно. Может быть, с тех пор, когда ее собственная дочь вышла из подросткового возраста. Конечно, подруга Машка – тоже страшная неряха, но все же не до такой степени.

На диване валялись скомканное одеяло, многочисленные огрызки яблок и пустая коробка из-под сока, на полу – разбросанные рукописи, лифчик и рулон туалетной бумаги, на стульях висели другие детали туалета, в углу громоздились пустые коробки из-под пиццы, ветерок от окна катал по полу огромные комья пыли. На письменном столе, который занимал большую часть комнаты, громоздились стопки чистой и исписанной бумаги, среди которых сиротливо примостился компьютер, а рядом с ним стояла недопитая чашка кофе. Интересно, может, у писателей это профессиональное?

– Сейчас я освобожу место, чтобы подписать... – протянула Альбина и решительным жестом сбросила со стола значительную часть бумаг. – Вот здесь можно расположиться...

Надежда Николаевна положила на отвоєванную у хаоса часть стола свой липовый документ и указала:

– Вот здесь, пожалуйста!

– Сейчас, только ручку найду... – Альбина принялась безуспешно рыться на столе, вполголоса бормоча: – Да где же она?.. была ведь...

– Я вам свою дам! – предложила Надежда.

В это время зазвонил телефон, который, оказывается, тоже лежал на столе среди бумажных напластований.

– Сейчас, я отвечу... – прогнусила Альбина, не без труда откопала телефон, поднесла к уху и проговорила простуженным голосом: – Слушаю!

Звук в телефоне был такой громкий, что Надежда Николаевна отчетливо услышала второго собеседника:

– Простите, с кем я разговариваю?

– А вы куда звоните?

– В квартиру Альбины Николаевны Брыкиной. Вы ее родственница?

– Это я и есть, – прохрипела хозяйка квартиры.

– Как – вы? – удивленно воскликнули в трубке.

– Просто я простужена, поэтому голос такой.

– Но нам сообщили, что вы... что вас...

– Что вы мнетесь? Что вам такое сообщили?

– Ох, извините... А это точно вы? Вы живы?

– Ну конечно, я! Что за вопрос? Я, конечно, простужена, но от простуды не умирают. Вот здесь у меня ваша сотрудница Кнопочкина, спросите ее, она вам подтвердит, что я жива и здорова...

– Кнопочкина? У нас нет никакой Кнопочкиной, и мы к вам никого не посылали. Юридический отдел выясняет, кто унаследует ваши права...

– Что значит – унаследует? С какой стати их кто-то должен унаследовать?

– Но ведь вы умерли... вас убили...

– Что вы несете?

– Но нам позвонили... ох, извините... – и из трубки понеслись короткие сигналы.

Альбина опустила на удачно подвернувшийся стул и какое-то время тупо смотрела перед собой. Потом подняла глаза на Надежду и растерянно проговорила:

– Что это было? Они говорят, что я умерла... что меня убили... бред какой-то... – Тут в глазах ее что-то изменилось, она прищурилась и строго спросила: – Кто вы такая?

Надежда замаялась, и Альбина повторила, повысив голос и встав со стула:

– Так кто вы такая? В издательстве сказали, что вы у них не работаете, они вообще никого ко мне не посылали.

– А кто вы?! – выпалила Надежда в ответ, придвинувшись к Альбине и вложив в голос всю суровость, на какую была способна. Она знала, что лучшая оборона – нападение.

– Как – кто? – Альбина, не ожидавшая такого отпора, растерялась. – Кто я – известно... я Альбина Борэ...

– Это псевдоним! Альбины Борэ не существует в природе!

– Ну да, ну да... я Альбина Брыкина, но это то же самое...

– Я бы не сказала, но допустим. Но чем вы можете доказать, что вы – это вы? То есть она?

– Бред какой-то! Почему я должна это доказывать?

– А паспорт на это имя у вас есть? – не сдавалась Надежда Николаевна.

– Ну да, конечно... – Однако в голосе Альбины не было уверенности, и глаза она отвела.

– Тогда покажите!

– С какой стати я должна его вам показывать? Между прочим, это вы ко мне домой пришли, пробрались обманом...

– Но если вы – Альбина Брыкина, – продолжила Надежда, проигнорировав последнюю фразу собеседницы, – кто тогда та женщина, которую убили в пансионате «Голубой ручей»?

– Как? – Альбина попятилась и опять опустила на стул. – Какой пансионат? Какая женщина?

– Пансионат «Голубой ручей», а женщина – вот эта...

Надежда протянула Альбине телефон, на экране которого была фотография особы, выдававшей себя за Альбину Борэ.

Прежде чем взглянуть, настоящая Альбина резко проговорила:

– И какое отношение все это имеет ко мне?

– Самое прямое! Эта женщина жила в пансионате под именем Альбины Борэ... то есть под вашим именем.

Тут Альбина посмотрела наконец на экран телефона и охнула.

– Ага, вы ее знаете! – отчеканила Надежда. – Не отпирайтесь, это бесполезно!

– Она что, и правда умерла? – пролепетала писательница. – На самом деле? Вы ничего не путаете?

– А иначе зачем вам звонили из издательства? Они ведь ясно сказали, что им сообщили о вашей смерти. Вряд ли в полиции спохватились, думаю, это кто-то из собратьев-писателей постарался. Знаете, как некоторые люди любят сообщать неприятные новости.

– Да, правда... эти писатели, они такие... – вздохнула Альбина.

– Кстати, вам теперь будет довольно трудно доказать, что вы на самом деле живы, – прищурилась Надежда.

– Как это? Вот ведь я!

– И чем вы это докажете? Паспорта у вас нет!

– Ох... – Альбина схватилась за голову. – Она что, правда умерла? Вы ничего не путаете?

– Умерла еще как. Я лично видела ее труп.

На самом деле труп видела Машка, но Надежда соврала для убедительности.

– А как... как она умерла?

– Вам официальную причину или настоящую?

– А это не одно и то же?

– Нет. Официально она погибла в результате несчастного случая – падения с высоты, но я уверена, что ее убили. Сначала ударили камнем по голове, а потом столкнули с обрыва.

– Ох!

– Так кто она такая на самом деле?

Альбина сверкнула глазами, уставилась на Надежду и возмущенно процедила:

– А кто вы такая? По какому праву вы проникли в мою квартиру и задаете все эти вопросы?

– Вот не надо перекладывать с больной головы на здоровую! – оборвала ее Надежда Николаевна. – Вам не обо мне нужно думать, а о себе! Ваш паспорт сейчас лежит в полиции, там расследуют вашу смерть, так что положение ваше – хуже некуда! Вам не вопросы нужно задавать, а думать о собственной судьбе!

Эти слова неожиданно сильно подействовали на Альбину. Взгляд ее погас, она опустила голову, безвольно уронила руки вдоль тела и жалобно проговорила:

– Что же мне делать?

– Для начала честно расскажите мне все. В первую очередь, кто была та женщина и как получилось, что она поехала в пансионат под вашим именем.

Но Альбина заговорила совсем о другом:

– Вы читали мои книги?

– Ну, одну просмотрела... наискосок, – опять-таки соврала Надежда.

– Тогда вы должны хотя бы отчасти представлять, что это такое. Ужасы, расчлененка, черный юмор... все такое. И теперь посмотрите на меня...

– Да, вы с такой тематикой плохо сочетаетесь.

– Совсем не сочетаюсь. Так и в издательстве сказали. Поэтому они с самого начала нашей работы поставили условие: нигде не показываться, никаких фотографий и телевизионных интервью. Так даже лучше получится – как будто я такая загадочная личность, неизвестно что из себя представляю и где живу. Так что кроме издателя меня никто не знает в лицо. Ни читатели, ни коллеги. Ведь вы знаете, стоит узнать секрет одному, как его уже знает весь мир.

– Допустим, так и есть, но какое отношение это имеет к нашему делу?

– Самое прямое. Я так и сказала Татьяне: меня никто не знает в лицо, поэтому никто не поймет, что это не я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.